

9 декабря 2016 г.

Олег Ермеков: Мой дед был глубоко интеллигентным человеком

Среди личностей, составляющих величие и славу казахского народа, есть имя Алимхана Ермекова, сделавшего многое для того, чтобы современный Казахстан мог строить независимое, богатое и высококультурное государство.

Наталья Рыжкова, Караганды

Первый профессор математики среди казахов Алимхан Ермеков – незаурядный ученый-организатор и яркий педагог – внес значительный вклад в развитие образования. Работал Алимхан Абеуович и в вузах Караганды, куда с супругой Ракией Шагабетдиновной, врачом-хирургом, приехал из Джамбула в 1953 году. Здесь жил и работал сын Магавья. В том же году родился в Караганде их внук. Олег Ермеков – гость корпункта редакции нашей газеты.

– Олег Магавьянович, имя вашего деда Алимхана Ермекова, 125-летие которого отметили в нынешнем году, увековечено в регионе: названы школы, одна из центральных улиц в Караганде, есть именная премия юным математикам. Его современники отмечали не только заслуги в становлении государственности, но и стойкий характер, силу духа, свойственную интеллигенции тех времен. Генетически прослеживаются какие-либо черты в наследниках Алимхана Абеуовича?

– Хочется верить, что прослеживаются. Думаю, есть то, что передается в нашей семье из поколения в поколение. С одной стороны, гордость за то, что ты потомок столь незаурядной личности, с другой – большая ответственность. Нужно соответствовать своей фамилии.

В юности мне, например, пришлось доказывать, что заслуженно получаю хорошие оценки, не за фамилию, а за действительные знания. В течение многих лет наблюдаю за сыном, как он учился, вырос, а теперь увлеченно занялся своим делом. Вспоминаю, как позиционировали себя в обществе дед и отец. Всегда думаю: а как бы они поступили в тех или иных проблемных ситуациях?

– **Каково быть внуком Ермекова?**

– И просто, и нелегко. Всегда знаешь, как ты должен поступить, но следовать этому пути далеко не просто. Со своим дедом я общался с малых лет. Он был осужден как враг народа. В общей сложности провел в лагерях 18 лет. Многие тогда пострадали по надуманным статьям. У него статья 58-я («враг народа») и пункт 8-й – ему вменялись шпионаж в пользу Японии и вредительство в научной терминологии: он писал учебники и брошюры по высшей математике на казахском языке, для того чтобы казахи, не знающие русского, могли изучать высшие науки на родном языке. И представьте, он признался в том, что японский шпион.

– **Под невыносимыми пытками?**

– Да, говорил, что допрашивали его трое суток подряд восемь человек, сменяя друг друга. Все это время он не спал, только пил воду. И уже когда начал терять сознание, у него начались галлюциногенные видения. «А в них все мои родственники висят на деревьях и просят меня, чтобы я подписал признание», – вспоминал дед. Его отправили в лагерь. Немолодому уже человеку дали возможность отбывать срок на легких работах – выдавать на складе рабочий инвентарь.

Он был глубоко убежден, и это его самый сильный посыл, что, находясь в нечеловеческих условиях, люди могут себя вести достаточно адекватно и сохранять человеческие черты только в том случае, если они образованы, знают историю, имеют представление о науках. Поэтому он и в заключении занимался просветительской деятельностью, читал упрощенный курс за школьную десятилетку безграмотному лагерному начальству. Считал, что их нужно обучать, тогда они лучше будут понимать ситуацию. Он давал им основы математики, истории, литературы, физики, немного астрономии. Он оставался верен своей миссии и даже там занимался просвещением. Что интересно, после реабилитации лагерное руководство писало ему письма. И он пробовал ходатайствовать за этих людей, чтобы им выдали аттестат зрелости за десятилетку. Единственное образование они получили у моего деда.

– **Что он рассказывал о лагерной жизни?**

– Ничего. Это были тяжелые переживания, он не хотел к ним возвращаться. Тема для меня непонятная, закрытая, а он отклонял все разговоры. Лишь сказал, что много слушал других людей. Говорил о том, что когда человеку трудно, ему надо говорить, а не слушать. Я спросил как-то отца: «Почему дед никогда не говорит о том времени?» В ответ узнал о случае, который отбил желание спрашивать.

Они жили в Алма-Ате. Кто-то передал Ермаковым, что заключенных, конкретно Алимхана, будут этапировать через Алма-Ату. И они будут на вокзале во время смены состава. Отец вспомнил, как смотрел сквозь цепь вооруженных людей, как вывели из вагонов заключенных, его отца, поставили на колени, а вокруг солдаты с собаками... «Ты хочешь, чтобы он тебе это рассказывал?» – спросил меня отец.

– **Репрессии коснулись всей семьи?**

– Да, муж сестры деда был наркомом образования, просвещения, культуры в Казахстане. Он тоже был арестован, и его расстреляли. Тетя рассказывала, что он работал сутками, уходил очень рано, приходил поздно. Сейчас именем Темирбека Жургенова названы улицы, школы, Академия искусств.

– **Алимхан и Ракия Ермаковы большую часть жизни прожили в Алма-Ате?**

– Но своей квартирой в Алма-Ате они обзавелись поздно. Я у деда спросил, как она появилась. Оказывается, когда первый раз деда арестовали в 1930 году, ему надо было как-то сообщить об этом семье. Специальных вагонов для ЗК не было еще, и конвой его сопровождал в обычном купе, а в соседнем – ехали четыре студента. Воспользовавшись заминкой конвоиров, он сунул в руки одного из парней записку с адресом и просьбой передать, что арестован.

Прошло время. В 1950-е годы племянник Алимхана Толеухан Ермаков, академик, занимался горным делом (его отец был ректором Алма-Атинского зооветеринарного института, академик), стал ходатайствовать перед Кунаевым, чтобы деду дали квартиру. И ему дали на улице Панфилова большую хорошую квартиру в элитном доме. Дед рассказывал, что его пригласили к Димашу Ахмедовичу. Тот хорошо встретил. Потом сказал: «Алик, хочу рассказать одну историю. Помните, когда вас арестовали, вы передали в поезде записку одному студенту? Тем студентом был я. И я передал вашей супруге эту записку...»

– **Олег Магавьянович, каким по характеру был Алимхан Абеуович? А внешне? Что замечали вы?**

– Он любил слушать людей, наблюдать за ними. Только потом принимал решение входить в дискуссию или не стоит. При встрече всегда начинал разговор с темы, интересующей собеседника, – ломал лед. Далее говорил, о чем хотел.

Дверь в доме деда и бабушки всегда была открыта. Там обязательно кто-то гостевал из приезжих, заходил на обед или в гости. Вообще дед производил интересное впечатление. Роста невысокого. Держался с большим достоинством в любой компании,

чему сопутствовала правильная осанка, прямая спина, строгая, подчеркнута опрятная одежда. Я говорил с его бывшими студентами, просто знакомыми, коллегами. Вспоминая, они рассказывали о статном, высоком человеке. Причем отмечали это те, кто сами были значительно выше ростом. Я понял: своим интеллектом и авторитетом он занимал определенное пространство и делался выше в восприятии окружающих.

– А правда, что в политехническом послушать высшую математику к Ермекову приходили студенты разных факультетов?

– Это трудно представить, но студенты уходили с других потоков, чтобы прийти на математику, и была всегда полная аудитория. Дед был легендарной личностью. Умел шутить, преподнести предмет так, что было интересно. Я спросил, как ему удается? Он ответил, что математика на самом деле гораздо интереснее. «Я ее сам иногда до конца не понимаю», – признался как-то. «Как же преподаешь, если не понимаешь?» – удивился я. И он рассказал забавную историю из своей студенческой жизни в Томском техническом университете: «У нас был преподаватель, которого мы очень любили, сильный математик. Однажды давал одно доказательство. На доске была длинная выкладка доказательства теоремы. В конце он поставил точку. А потом повернулся и закричал: «Понял! Понял!» Он столько лет теорему доказывал, а сам ее понял только через 10 лет. Я, конечно, не в таком положении нахожусь, но многие открытия делаю для себя сегодня».

В Томском университете одним из наставников и преподавателей Ермекова был Григорий Потанин. Это Алимхан Абеуович привез его в Казахстан. Потанин жил в ауле у Абая в Семипалатинске. Одного из сыновей Абая звали Магавья. И мой дед назвал своего сына, родившегося в 1921 году, Магавья – моего отца. Большая дружба связывала деда с Сатпаевым. Он убедил Каныша учиться. И тот поехал в Томск, получил высшее образование в том же техническом университете и стал выдающимся геологом и академиком.

Деда отличала мощная способность убеждать – у него были хорошие учителя, его правильно ориентировали и определили ему миссию. Он всегда был открыт к восприятию чего-то нового. Хорошо знал языки. Это наследственное. Его отец был волостным, говорил на арабском и английском, что стало примером сыну, который владел казахским и русским, латынью, арабским – из этого языка вышла математика, немецким, английским, французским. Поскольку многие математические работы были написаны итальянцами, он, чтобы лучше их понять, взялся самостоятельно изучить итальянский язык. Знали иностранные языки его дети, говорят на разных языках его внуки и правнуки.

Он всегда подчеркивал, что изложенные знания не означают непреложную истину. В доказательство однажды открыл учебник математики, по-моему, дифференциальные вычисления, весь перечеркнутый его ручкой. В одном месте на полстраницы было написано «неправильно» и стоял восклицательный знак.

– Вам Алимхан Абеуович помогал готовиться к поступлению в политехнический?

– Он участвовал в моей подготовке, но я поступил в 1970 году уже после его кончины. Ректором КарПТИ был Абылкас Сагинов. После реабилитации Алимхан Абеуович мог устроиться на работу только по месту жительства. Хорошо понимал, что на государственную должность его никогда не возьмут. А он, увлеченный наукой, математикой, решил посвятить себя преподавательской деятельности. Пошел к Сагинову устраиваться на работу – все же до этого работал заведующим кафедрой математики в других вузах. Он был первым профессором математики без ученой степени, которую по понятным причинам не удалось защитить. Очень переживал перед встречей с ректором: решится ли Сагинов принять его на работу?

Спустя много лет я рассказал своему учителю Сагинову о внутренних мучениях деда. Абылкас Сагинович ответил: «Хочу тебе сказать, что я переживал гораздо больше, когда узнал, что ко мне САМ Алимхан Ермеков придет!» Признание академика стало еще одним откровением для меня. Я-то воспринимал присутствие деда рядом как должное. С

одной стороны, понимал, что он уважаемый человек, с другой – всегда лежала печать врага народа. А став взрослым, понял, что не ко всем так относятся окружающие, не все имеют такого деда, как я. Позже осознал, что он просто великий.

Когда деда хоронили, была панихида в институте. Сагинову позвонили и указали: ну зачем такую пышную панихиду устраиваете бывшему врагу народа?! Это в 1970-м! Все знали, что он реабилитирован, каким пользуется авторитетом, но на всякий случай старались, как бы чего не вышло. А мне казалось, что мы прошли уже этот период.

– Позицию совести проявлять сложно в любое время, надо иметь на это мужество. А нравственная основа все же закладывается в семье...

– Конечно. Мой дед занимался не только политикой, но благородным делом – он преподавал. А без точного морального ориентира знания ничего не значат. Только их широта позволяет занимать правильную позицию с умением двигаться вперед, сострадать не только собственному благополучию, но стране и своему народу.

Знаете, для того чтобы дед никогда не забывал, кто он есть, его поселили по адресу-приговору. Да-да! Мол, если «ты думаешь, что разговаривал с Лениным, то все? Вот тебе улица Ленина, 58-8!» В двухэтажном доме – четыре квартиры наверху, четыре – внизу. Восьмая всегда бывает на втором этаже. Дед был уже физически надломлен. Ему дали на первом этаже, но переставили нумерацию квартир. С той поры на первом этаже вторая квартира по счету была под номером 8. В ней и родился его правнук Адиль. Кстати, он получил в Англии два высших образования, занимается консалтингом в области зарубежного, прежде всего, английского образования. «Адиль» с арабского – «справедливый». Он, как и его прадед, точно формулирует задачи. А я с удовлетворением отмечаю его полное соответствие своему имени и продолжение просветительской миссии, в том числе для казахстанской молодежи.

Мне встречались люди, которые говорили: «Алик, я хочу тебе рассказать, как я обязан твоему деду. Все, что имею в жизни, это благодаря его напутствию». Дед понимал, что репрессивными мерами ничего не добьются, что человека можно заставить что-то делать хорошо только одним способом – убедить, чтобы искренне захотел сделать сам. И ему всегда это удавалось.